

Татьяна Никольская

Возле лотка снисходительно взглянешь на яблоки.
За полвека до нас решено, где случиться экскурсии,
И теперь безразлично – в Гори ты или в Яновке,
В Кахетии иль Малороссии – везде достаточно грусти.
Плотный инородец с айвою. Почти что оперный бас.
Но лишь по контексту понятно, что хочет он.

Бродишь, глазея.

Суетно, скучно и жарко. Скорей бы уж нас
Собрали, как ягоды, в прохладную корзину музея.
Слава богу, он где-то остался, открытый вышветший полдень,
Но теперь раздражает с голосом швейной машинки
Экскурсоводша. Ведь если мы кого-то и помним,
То по-другому –

без гласности, по-домашнему, по старинке.

Не привлекают фотографии, желтых брошюр ряд
и Тридцатые годы – горенье без ~~ши~~ камуфляжа,
Так как пот уже высох, и мнется в мешках виноград,
И в двух уврталах отсюда есть магазин трикотажа.
"Вот расплата, – злорадно подумаешь – Не счесть терновых венков,
Что надел на кудрявые головы... Желал повернуть историю...
Тридцать лет убивал и трудился, а итог получился таков,
Что теперь я полдня не в Яновке проведу, а в Гори.
Пирамиды стираются ластиками, и нравоучителен результат –
Осевшие, желтые. Их былое величие жалко.
А на опальной Херсонщине тоже поспел виноград,
И привоз шумит, и говор чужой, и жарко.

.....